

**Жанровая специфика монодрамы
мордовского писателя А. П. Терешкина «Язык»**

Ю. Г. Антонов

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
antonov-ug69@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Для жанровой системы мордовской драматургии характерны постоянные поиски новых форм отражения действительности и способов раскрытия индивидуальности современника. Актуальность статьи определяется необходимостью осмыслить происходящие в мордовской драматургии художественные процессы. Объектом исследования является жанровый эксперимент А. Терешкина, реализуемый в его монодраме «Язык».

Цель: проанализировать жанровую специфику монодрамы А. Терешкина «Язык».

Материалы исследования: монодрама А. Терешкина «Язык».

Результаты и научная новизна. Научная новизна статьи обусловлена малой изученностью творчества А. Терешкина-драматурга. Автор приходит к заключению, что анализ индивидуальной судьбы человека в монодраме А. Терешкина осуществляется посредством саморефлексии героя, чему способствует форма рассказа-монолога, в котором обнажаются внутренние мотивы поступков человека. В целом же всё это отражает сложность и многомерность окружающей действительности. Использование драматургом неординарного художественного решения и новаторской для национальной литературы жанровой формы говорит о стремлении автора расширить эстетические границы мордовской драматургии.

Ключевые слова: мордовская драматургия, монодрама, жанр, персонаж, монолог, лирическое начало, нарратив.

Для цитирования: Антонов Ю. Г. Жанровая специфика монодрамы мордовского писателя А. Терешкина «Язык» // Вестник урovedения. 2020. Т. 10. № 4. С. 607–614.

**Genre specificity of the monodrama by the
Mordovian writer A. P. Teryoshkin «The Whistleblower»**

Yu. G. Antonov

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
antonov-ug69@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the Mordovian drama genre paradigm develops constantly and is presently enriched with creative innovations that demonstrate the search for the new forms of interpreting reality and the ways to present individual and personal spirits of people. Innovative phenomena in drama update the ethnic art literature and make significant adjustments to its aesthetic evolution. The relevance of the article is determined by the need to understand the artistic processes taking place in Mordovian drama. The object of the study is the artistic particularities of A. Teryoshkin's genre experiment in the monodrama «The Whistleblower».

Objective: to analyze the genre specifics of the monodrama «The Whistleblower» by A. Teryoshkin.

Research materials: the monodrama «The Whistleblower» by A. Teryoshkin.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the article is due to the small study of the creative work of A. Teryoshkin as the dramatist. The author comes to the conclusion that the analysis of individual human destiny in the monodrama by A. Teryoshkin is carried out by means of self-reflection of the hero in the form of a monologue story revealing the inner motifs of actions. In general, all this reflects the complexity and multidimensionality of the surrounding reality. The fact that the playwright uses extraordinary artistic means within the genre form, innovative for the national literature, confirms his intention to develop the aesthetic framework of Mordovian drama.

Key words: Mordovian dramaturgy, monodrama, genre, character, monologue, lyrical beginning, narrative.

For citation: Antonov Yu. G. Genre specificity of the monodrama by the Mordovian writer A. P. Teryoshkin «The Whistleblower» // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (4): 607–614.

Введение

Жанр монодрамы становится всё более актуальным в российском литературном и театральном пространстве последних лет. В мордовской драматургии монодрама в количественном отношении хоть и не занимает значительного места, однако вносит определённый вклад в расширение художественно-эстетических границ национального художественного сознания.

Примечательно, что в «Словаре театра» П. Пави, переведённом на русский язык, термин «монодрама» отсутствует, хотя в оригинальном издании 1998 года он есть [26, 217–218]. Монодрама как жанр формируется в европейской литературе XVIII века [23; 25; 27]. Однако элементы монодраматического исполнения прослеживаются уже в древнегреческой трагедии, когда на сцене один актёр, меняя маски, воплощал разных персонажей. В западной традиции монодрама часто ассоциируется не только со словесным, но и с музыкальным искусством. Таковой считается короткая музыкальная пьеса в исполнении одного солиста [24].

В отечественной науке одним из первых к теоретическому осмыслению монодрамы обратился Н. Н. Евреинов, известный театральный режиссёр Серебряного века. Он определяет монодраму как «драматическое представление, которое, стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего, являет на сцене окружающий его мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» [11, 8]. Данное определение в целом укладывается в рамки модернистской эстетики, которая в это время имела широкое распространение в литературе и искусстве. Размышления Н. Н. Евреинова во многом легли в основу исследований по современной монодраме, которая занимает важное место в жанровом многообразии постмодернистской литературы.

В современном отечественном литературоведении вопросу о жанровой специфике монодрамы посвящено немало исследований [1; 10; 13; 14; 16; 20]. При этом основное внимание в работах сосредоточено на характеристике монодраматического персонажа и дискурсивной основе произведений, поскольку это является основной отличительной чертой жанра. Некоторые исследователи обращают внимание на «её особую позицию в системе драматургических жанров и их вариантов» [18]. Монодрама сосредоточена не только на постижении внутреннего мира, но и на установлении коммуникации между персонажем и зрителем (читателем). И как следствие – нарратив в монодраме становится предметом пристального внимания [2; 12; 17], так как персонаж монодрамы не просто

доносит определённую информацию, но и производит глубокое впечатление, заставляющее думать, сопереживать.

В мордовском литературоведении монодрама как драматургическое явление со своей жанровой спецификой не подвергалась научной рефлексии. Актуализация исследования жанра позволит показать процесс обогащения жанровой системы национальной драматургии, определить художественную специфику мордовской монодрамы.

Материалы и методы

Материалом исследования стала монодрама А. Терешкина «Язык» (1986), ранее не привлекавшая внимание исследователей. Автор проявляет себя как экспериментатор, расширяющий жанровый потенциал своего творчества и мордовской литературы в целом.

В статье применены методы литературоведческого исследования, позволяющие выявить комплекс художественных явлений, свойственных монодраме А. Терешкина: системный подход, историко-генетический, культурологический, историко-литературный методы.

Результаты

Драматургия Александра Терешкина (1937–2007) стала заметным явлением в мордовской литературе 1970–1980-х годов. Преимущественно этот автор обращается к исторической теме. На страницах его историко-революционных пьес художественно воссоздаются события, происходившие в переломные моменты жизни нашей страны. Так, в основе драмы «Миг свободы» (1981) – подлинный факт времён Первой русской революции, когда на станции Рузаевка власть на несколько дней перешла в руки рабочих-железнодорожников. Острый социальный конфликт, ставший одной из причин декабрьского вооружённого восстания 1905 года, является главной движущей силой конфликта произведения. Другая его пьеса «В то жаркое лето» (1978) средствами драматургии рисует эпизоды Гражданской войны, борьбы между сторонниками и противниками новой власти. Обе пьесы отличает динамическое развитие конфликта, достоверно подчёркивающее калейдоскопическое чередование происходящих исторических событий. К этим пьесам близка драма «Спецрейс» (1974), также основанная на подлинном историческом факте – пребывании на станции Арапово (Ковылкино) агитпоезда «Октябрьская революция», руководителем которого был видный советский деятель М. И. Калинин. Она отличается от предыдущих построением конфликта. Внешние факторы здесь являются мотивом для внутренней борьбы антагонистически

настроенных персонажей. На первом плане не события, а внутренняя мотивация, обнажающая истинные намерения героев драмы.

Значительных художественных достижений драматург добивается и в жанре историко-биографической пьесы. Из-под его пера выходят две такие пьесы – «Крестник Его Величества» (1973) и «В прощении отказать» (1977). В них автор обращается к биографии людей, отличающихся прогрессивными взглядами и стремящихся принести пользу отечеству. В первой пьесе воссоздаются самые драматические эпизоды из жизни поэта-демократа Александра Полежаева, отражающие не только его индивидуальные качества, но и дух эпохи, в которой жил и творил поэт. Во второй через биографический материал художественно интерпретируется общественная и просветительская деятельность среди инородцев Поволжья Ильи Николаевича Ульянова, активно содействовавшего открытию школ среди мордовского и чувашского населения Симбирской губернии во второй половине XIX века.

Тема Великой Отечественной войны в творчестве А. Терешкина также является одной из центральных. Пьеса «Седьмые сутки пути» (1979), созданная на основе документального материала, достоверно рассказывает о готовности людей в тяжёлых условиях помогать нуждающимся. Действие в пьесе разворачивается на территории Белоруссии, только что освобождённой от немецких захватчиков. Из Мордовии в поддержку белорусскому народу направляется эшелон с зерном, скотом и имуществом. Автор изображает своих героев в обстоятельствах, раскрывающих гуманную сущность, цельность и чистоту их характеров. Драма «Сороковины» (1985) – о тяжёлых тыловых буднях, горькой женской доле и трудном моральном выборе.

Все названные пьесы драматурга получили сценическое воплощение не только в театрах г. Саранска, но и других городов. Также они не остались без внимания и со стороны учёных, литературных и театральные критиков [4; 5; 8; 21; 22]. В их работах всестороннему анализу подвергается «большая» драматургия А. Терешкина.

Однако в творческом наследии драматурга есть «белые пятна», исследование которых даст возможность расширить представление о новых гранях его драматургического творчества. Монодрама «Язык» до сих пор не становилась объектом внимания исследователей. Данное произведение заметно отличается от других пьес драматурга. Это своего рода авторский эксперимент в освоении жанра монодрамы. Творческий эксперимент А. Терешкина имел определённый успех, о чём говорит её, пусть и не долгая, сценическая жизнь.

В монодраме «Язык» ефрейтор-разведчик Иван Супонин в «диалоге» с молчаливым собеседником рассказывает о своём фронтовом и довоенном житии-бытии. В рассказе предстаёт саморефлексирующая личность с богатым духовным миром, большой внутренней мотивацией, своеобразным индивидуальным языком.

Действие в монодраме начинается в момент высокого психологического напряжения персонажа. Выполняя ответственное задание за линией фронта – добыть «языка», он в коротком бою теряет своего лучшего фронтового друга. Сразу после потери друга герой пьесы сталкивается лицом к лицу с человеком в форме фашистского офицера, между ними завязывается смертельная схватка, из которой, по счастливой случайности, разведчик выходит победителем.

Связав руки и ноги врага и заткнув ему рот кляпом, Иван Супонин садится отдохнуть и дожидаться темноты, чтобы с «языком» пробраться к своим. В ситуации психоэмоционального потрясения он начинает неспешный разговор, в котором самопрезентует не только себя на фронте, но и свою далёкую малую родину, где его ждут жена, подрастающий сынишка и любимая работа. Монолог героя раскрывает черты его характера – храбрость и ответственность, весёлость и доброжелательность. На первый взгляд кажется странным, что душевную исповедь персонаж ведёт, находясь рядом с врагом. Но в этом и заключается одна из отличительных черт его характера – открытость и, может, даже многословность, за что его в деревне называли болтуном, а на фронте «языком», в том смысле, что он много говорит. Герой готов излить душу любому, показать свою жизненную позицию по самым разным вопросам фронтовой действительности: «Жена там моя, Настя, и сын Гришутка. Как они живут-поживают? Давно что-то писем не получал. В деревне я человек шибко известный. Как-никак старшим конюхом был... И чего я тебе все это рассказываю? Тоже приятеля нашёл. Закадычного. Смехота, да и только. А с другой стороны – делать нечего, болтай на здоровье, вспоминай довоенное житьё-бытьё. <...> А пока слушай, фриц. Люблю я, грешным делом, потолковать на разные темы» [19, 292]. В этой открытости весь Супонин. Его искренность и оптимизм – жизнеутверждающие и объективно оценивающие происходящее.

Исследователь Е. Бондарева определяет героя монодрамы как «суперсложную монолитную психологическую либо депсихологизированную суперсистему» [7, 254]. Таковыми, как правило, являются герои постмодернистской монодрамы, в которой психолого-подсознательный аспект становится ведущим компонентом в построении

монодраматического персонажа. Герой А. Терешкина немного иной. Он, обладая цельным, психологически мотивированным сложившимися обстоятельствами характером, более типичен для литературы реалистической, отображающей действительность объективно, с некоторыми художественными условностями. И, как следствие – его поведение и поступки более конкретные, а не отвлечённые как у героя, воспринимающего мир в неких романтических тонах. Ефрейтор Иван Супонин – здесь и сейчас, и мир вокруг него более чем реален, сиюминутно готов преподнести ему новые испытания.

Реалистичность главного персонажа определяется не только обстоятельствами, в которых он находится, но и восприятием действительности, и отношением к происходящему. Для него, как и для большинства советских людей, происходящие события – великое потрясение, требующее неимоверного напряжения моральных и физических сил. Он ради победы над врагом не жалеет себя, не прячется за спинами других, ежеминутно рискует жизнью. Война, с одной стороны, для героя – это страшное испытание, приносящее много страданий и горя, а с другой – война превратилась для него в почти обыденное дело, которое ефрейтор-разведчик привык делать на совесть, не перекладывая на других. Обо всём этом он исповедально говорит в своём рассказе-монологе.

В монодраме монолог героя имеет адресата. Им может быть зритель, молчаливый собеседник, разумное существо, предмет и т. д. В монодраме «Язык» герой обращает свои слова к конкретному, но безмолвному собеседнику. Это диалог, но весьма специфический. Оппонент героя может поддерживать «беседу» только движениями головы – руки-ноги у него связаны, а во рту кляп. Такой собеседник «поддержит» любой разговор. Герою он больше нужен не как собеседник, а как объект, выбранный для излияния накопившихся размышлений и личной оценки действительности. Выбор такого собеседника predetermined не столько обстоятельствами, в которых оказался персонаж, сколько художественной спецификой монодрамы, в которой основным является «изображение в сценическом пространстве одного сознания и презентация его представлений о себе и мире посредством монологического высказывания» [3, 172]. Такой тип собеседника позволяет наиболее полно раскрыться герою, проявить все свои качества, обозначить поведенческие привычки. В монологической форме значительную роль играют эмоциональные аспекты высказывания персонажа, которые имеют личностное, иногда интимное начало, сближающее драматическое

с лирическим. Исследователи монодрамы считают, что в ней присутствует лирическое начало, которое «проявляется в раскрытии внутреннего мира героя, в его исповедальных монологах и искренних до наивности рассуждениях, вызывающих сопереживание» [9, 27]. Такой вывод вполне закономерен и вытекает из жанрово-структурной специфики монодрамы. В монологе героя, раскрывающего его внутренний мир, зримо присутствуют чувства, наполненные лирическим содержанием.

В рассказе-монологе героя «Языка», повествующем о его жизни, лирическая составляющая способствует не только повышению эмоционального «градуса», но и придаёт его речи внутреннюю убедительность и внешнюю достоверность. Лирическая исповедальность помогает расположить читателя (зрителя), заставляет проникнуться эмоциональным настроением героя, его откровениями, сопереживать ему. Лиризм монодрамы усилен характерными для военной драматургии А. Терешкина художественными деталями, он вплетает в текст произведения народные песни. В «Языке», чтобы подчеркнуть нежность и чувственность отношения Ивана Супонина к любимой женщине – его жене Насте, он, вспоминая малую родину, дом, семью, поёт песню «Что стоишь качаясь...». Далее, поддавшись трогательным воспоминаниям, герой засыпает и видит сон, который на короткий миг соединяет его с любимой. Снится ему жена, которую он видит в луче прожектора. Она подхватывает начатую Иваном песню и исполняет её с большим эмоциональным подъёмом. Песенные образы рябины и дуба символизируют тоску, которую испытывают Иван и Настя, находясь в разлуке. Через приём сна автор расширяет топос произведения, мысленно перенося героя на родину. Сновидение раскрывает персонажа с той стороны, с которой он не может так ярко предстать в своём рассказе-монологе. Сон о родине придаёт герою новые силы.

Художественный приём переноса героя с одного места в другое силой мысли в мордовской литературе о войне – весьма часто встречающееся явление. В стихотворении М. Бебана «Улелень мон нармонь» («Если бы я был птицей») лирический герой, находясь в окопах на передовой, чувствует неразрывную связь с малой родиной, постоянно о ней думает и это вдохновляет его на борьбу с врагом. Он мечтает, превратившись в птицу, хоть краешком глаза взглянуть на неё: «Тядянязе, шачем крайняй! / Улелень мон нармонь, весть / апак лотксек, апак ваймак / лиезь лиелень мон тейть». «Матушка, родная сторонка! / Быстрою птицей разок / без устали и отдыха / прилетел бы к тебе»¹ [6, 68].

¹ Перевод подстрочный наш – Ю. А.

А. Терешкин, продолжая традиции своих предшественников, посредством сна раскрывает черты характера героя. Именно через сон автор предаёт всю глубину любви персонажа к Насте, тоску по родному дому.

Настя. Ты уж скорей, Ваня. Скорей возвращайся. Истомились мы. Ждём не дождёмся

Иван. Настя!.. Тяжко, поди, вам?

Настя. Как сказать. Привыкли.

Иван. На лицо что-то сникла. Работы много?

Настя. Управляемся... [19, 296]

Диалог между ним и любимой с одной стороны эмоционален, переполнен чувствами, а с другой воспроизводит тяжёлые военные будни жизни в тылу.

В монодраме, как известно, речь персонажа является главным инструментом раскрытия образа, именно через говорение он доносит свои чувства. И поэтому конструирование автором речи героя является главной жанровой особенностью монодрамы. Она строится по-разному: где-то в форме монолога, где-то – размышления вслух, где-то – диалог, но своеобразный, в котором преобладает один собеседник. С. Я. Гончарова-Грабовская, размышляя о творческом эксперименте Е. Гришковца в жанре монодрамы, отмечает, что в ней «ярко выраженная нарративная основа (герой-рассказчик, воспоминания, «пересказ рассказов о своей жизни») выстроена по принципу “потока сознания”» [9, 27]. В «Языке» А. Терешкина нарративная основа проявляется в своеобразном «рассказе-диалоге» героя, который переносит его не только в пространстве, но и позволяет «проникнуть» в сознание персонажа, почувствовать его внутреннее состояние. Речь героя является смысловой доминантой построения пространственно-временной структуры произведения. Посредством речи, наполненной эмоциями и чувствами, он раскрывает свои мировоззренческие постулаты, психоэмоциональные истоки поведения и индивидуальные черты своего характера. Об этом свидетельствуют слова героя, произнесённые над могилой друга-разведчика, погибшего при выполнении важного поручения. «За “языком” нас послали, в разведку. Командир сказал: без фрица не возвращайтесь, до зарезу “язык” нужен. Не возвращайтесь. Как же теперь, один-то? Несподручно одному. Вернуться? Нет такого приказа. А одному несподручно. Степан, товарищ гвардии сержант, что делать, как быть? Молчишь. Эх, брат, зачем же ты!.. Одного меня оставил...» [19, 289].

В целом, в монодраматическом жанре речь имеет ряд особенностей, к которым относится «трансформация диалога и нивелирование его коммуникативных функций» [15, 45]. Такой диалог становится основной формой самопрезентации героя в

«Языке». Кроме специфической формы говорения персонажа важным становится и структура его речи, подчёркивающая индивидуальные качества и эмоциональное состояние. Речь героя насыщена восклицательными и вопросительными предложениями. Автор часто использует устойчивые народные выражения, поговорки и пословицы, которые подчёркивают социальный статус и происхождение героя – «Лежи спокойно – молчи в тряпочку» [19, 290], «Май холодный – год хлебородный» [19, 295], «Но и ты мне, надо сказать, тоже надоел. Как горькая редька» [19, 296] и т. д. Авторские ремарки, присутствующие в тексте, направлены на углублённое раскрытие образа главного персонажа и детализацию внешней обстановки, которая несёт определённую художественную функцию – способствует выявлению присущих его характеру основных черт.

Таким образом, в новой для драматурга жанровой форме обнаруживаются иные качества его творчества. Эксперимент в области жанра, умение при помощи него воссоздать внутренний мир своего персонажа свидетельствуют о хорошем творческом потенциале А. Терешкина и его стремлении расширить жанровые рамки национальной драматургии.

Обсуждение и заключение

Анализ монодрамы А. Терешкина «Язык» показал, что творческий эксперимент автора стал значительным вкладом в расширение жанровых ориентиров мордовской драматургии. В середине 1980-х годов мордовская драматургия начинает осваивать новые тематические пласты и жанровые формы, продиктованные происходящими в отечественной литературе художественно-эстетическими изменениями. Драматург обращается к новой жанровой форме, позволяющей раскрыть внутренний мир простого фронтовика, показать истинные мотивы его поступков на войне, личностные устремления. Демонстрируя индивидуально-авторские траектории, он по-новому интерпретирует весьма распространённую тему и в своём творчестве, и в национальной драматургии – «человек и война». Драматург показал внутренний мир персонажа посредством необычного для мордовской литературы жанра – монодрамы, которая раскрывает типичную и одновременно индивидуальную судьбу человека конкретной эпохи.

Драматургу удалось создать произведение, которое вносит свежие художественно-эстетические штрихи в мордовскую литературу. А. Терешкин, расширяя военную тематику национального драматургического искусства и одновременно продолжая традиции предшественников, предложил

мордовской литературе новую жанровую форму. В монодраме «Язык» творчески синтезированы законы монодраматического жанра и законы изображения индивидуально-личностных особенностей персонажа. Через саморефлексию герой А. Тереш-

кина презентует себя, побуждая читателя (зрителя) проникнуться его чувствами, переживать за него. Этому способствует индивидуализированная речь, которая подчёркивает качества его характера и внутреннее психоэмоциональное состояние.

Список источников и литературы

1. Агеева Н. А. Жанр монодрамы в современной отечественной драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 209 с.
2. Агеева Н. А. Наррация и анарративность в монодраме Я. Пулинович «Наташина мечта» // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 151–160.
3. Агеева Н. А. Поэтика современной отечественной монодрамы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 16 (6). С. 168–176.
4. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 260 с.
5. Антонов Ю. Г. Русскоязычная драматургия Мордовии (на примере творчества А. Терешкина) // Русский язык в диалоге культур: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 6 июня 2017 г.). Саранск: [б.и.], 2017. С. 430–433.
6. Бебан М. А. Кочкаф произведения. Избранные произведения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 480 с.
7. Бондарева Н. Н. Теоретическая модель современной монодрамы: подвижные рамки жанрологического канона // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков: В 2 ч. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 249–257.
8. Брыжинский В. С. Драматическая история земляков // Терешкин А. Крестник Его Величества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. С. 5–28.
9. Гончарова-Грабовская С. Я. Монодрама в творчестве Е. Гришковца // Вестник БДУ. Серия 4. 2009. № 3. С. 26–31.
10. Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2009. 362 с.
11. Евреинов Н. Введение в монодраму. СПб.: Издание Н. И. Бутковской, 1909. 35 с.
12. Журчева О. В. Монодрамы Вадима Леванова и ситуация наррации // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 133–138.
13. Журчева О. В. Проблема жанра в новейшей драме XX–XXI веков, или новая канонизация жанров // Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: проблема жанра. Самара: Самарский университет, 2015. С. 7–13.
14. Лавлинский С. П. Монодрама: композиционно-речевая форма / жанр // Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: проблема жанра: сб. научных статей. Самара: Самарский университет, 2015. С. 14–25.
15. Лушникова А. Е., Солопина Г. А. Речевая организация монопьесы М. Равенхилла «Продукт»: контаминация форм и стилей // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. Т. 4. № 3. С. 44–52.
16. Павлов А. М. Кризис сознания и специфика драматической катастрофы в монодраме // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 166–171.
17. Павлов А. М. Событие рассказывания в современной отечественной монодраме (на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (51). С. 197–202.
18. Покало А. В. Монодрама: жанр или жанровая разновидность? // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI веков: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2014. С. 332–336.
19. Терешкин А. Крестник Его Величества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. 328 с.
20. Цветков Ю. Л. Жанровая специфика современной монодрамы: «Контрабас» П. Зюскинда // Литература и театр: Модели взаимодействия: сб. научных статей по итогам IV Международной научно-практической конференции-фестиваля «АРТсессия» (Челябинск, 14–16 ноября 2011 г.). Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 68–80.
21. Чернов Е. И. Годы и конфликты. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 152 с.
22. Чернов Е. И. Драматурги Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 192 с.
23. Culler A. D. Monodrama and the Dramatic Monologue // PMLA. 1975. Vol. 90. № 3. May. Pp. 366–385.
24. Hartnoll Ph., Found P. Monodrama // The Concise Oxford Companion to the Theatre. URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 25.02.2020).
25. Loisel G. Aux confins du monodrame: Lelio ou Le Retour a la vie, dans // Musiqueet Litterature. Rencontres Sainte-Cecile / ed. Aude Locatelli. Aix-en-Provence: Presses de l'universitede Provence, 2011. Pp. 233–246.
26. Pavis P. Dictionary of the theatre: Terms, Concepts and Analysis. Toronto: University of Toronto Press, 1998. 469 p.
27. Thanoon A. J. Los requisitos formales del generodel monologo dramatico // Especulo. 2009. № 41. URL: <http://pendientedemigracion.ucm.es/info/especulo/numero41/monodram.html> (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Ageeva N. A. *Zhanr monodramy v sovremennoy otechestvennoy dramaturgii* [The genre of a monodrama in modern Russian dramaturgy]. Novosibirsk, 2016. 209 p. (In Russian)
2. Ageeva N. A. *Narratsiya i anarrativnost v monodrama Ya. Pulinovich «Natashina mechta»* [Narration and un-narration in the monodrama by Ya. Pulinovich «Natasha's Dream»]. *Nauchniy dialog* [Scientific dialogue], 2015, no. 12 (48), pp. 151–160. (In Russian)

3. Ageeva N. A. *Poetika sovremennoy otechestvennoy monodramy* [Poetics of a modern Russian monodrama]. *Vestnik Novosibirskogo gos. pedagogich. un-ta* [Novosibirsk pedagogical university Bulletin], 2013, no. 16 (6), pp. 168–176. (In Russian)
4. Antonov Yu. G. *Zarozhdeniye i puti razvitiya mordovskoy dramaturgii* [Origin and the ways of development of Mordovian drama]. Saransk: Izd-vo Mordov. universitet Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
5. Antonov Yu. G. *Russkoyazychnaya dramaturgiya Mordovii (na primere tvorchestva A. Teryoshkina)* [Russian-language drama of Mordovia (on the example of the creative work of A. Teryoshkin)]. *Russky yazyk v dialoge kultur* [Russian language in the dialogue of cultures]. Saransk: [w/p], 2017. pp. 430–433. (In Russian)
6. Beban M. A. *Kochkaf proizvedeniyat. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2009. 480 p. (In Moksha)
7. Bondareva N. N. *Teoreticheskaya model sovremennoy monodramy: podvizhnye ramki zhanrologicheskogo kanona* [A theoretical model of modern monodrama: the moving framework of the genre and logical canon]. *Russkaya i belorusskaya literaturny na rubezhe XX–XXI vekov. V 2 ch.* [Russian and Belarusian literatures at the turn of the XX–XXI centuries. In 2 vol.]. Minsk: RIVSH Publ., 2006. Vol. 1. pp. 249–257. (In Russian)
8. Bryzhinskiy V. S. *Dramaticheskaya istoriya zemlyakov* [The dramatic history of fellow countrymen]. *Teryoshkin A. Krestnik Yego Velichestva* [Teryoshkin A. The Godchild of His Majesty]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2007. pp. 5–28. (In Russian)
9. Goncharova-Grabovskaya S. Ya. *Monodrama v tvorchestve Ye. Grishkovtse* [Monodrama in the creative work of E. Grishkovtse]. *Vestnik BDU* [Bulletin of the Belarusian State University], 2009, no. 4 (3), pp. 26–31. (In Russian)
10. Gromova M. I. *Russkaya dramaturgiya kontsa XX – nachala XXI veka* [Russian dramaturgy of the late XX – early XXI centuries]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2009. 362 p. (In Russian)
11. Evreinov N. *Vvedeniye v monodramu* [Introduction to the monodrama]. Saint-Petersburg: Izdaniye N. I. Butkovskoy Publ., 1909. 35 p. (In Russian)
12. Zhurcheva O. V. *Monodramy Vadima Levanova i situatsiy narratsiy* [Monodramas of Vadim Levanov and the situation of narration]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2015, no. 11 (133), pp. 133–138. (In Russian)
13. Zhurcheva O. V. *Problema zhanra v noveyshey drame XX–XXI vekov, ili novaya kanonizatsiya zhanrov* [The problem of the genre in the newest drama of the XX–XXI centuries, or new canonization of genres]. *Noveyshaya drama rubezha XX–XXI vekov: problema zhanra* [The newest drama at the turn of the XX–XXI centuries: problem of genre]. Samara: Izd-vo Samarsky un-t Publ., 2015. pp. 7–13. (In Russian)
14. Lavlinskiy S. P. *Monodrama: kompozitsionno-rechevaya forma / zhanr* [Monodrama: compositional and speech form / genre]. *Noveyshaya drama rubezha XX–XXI vekov: problema zhanra* [The newest drama at the turn of the XX–XXI centuries: problem of genre]. Samara: Izd-vo Samarsky un-t Publ., 2015. pp. 14–25. (In Russian)
15. Lushnikova A. E., Solopina G. A. *Rechevaya organizatsiya monopyesy M. Ravenkhilla «Produkt»: kontaminatsiya form i stiley* [Speech organization of the monoplay «The Product» by M. Ravenhill: contamination of forms and styles]. *Gumanitarno-pedagogicheskoye obrazovaniye* [Humanitarian and pedagogical education], 2018, no. 4 (3), pp. 44–52. (In Russian)
16. Pavlov A. M. *Krizis soznaniya i spetsifika dramaticheskoy katastrofy v monodrame* [Crisis of consciousness and the specifics of a dramatic catastrophe in monodrama]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 4 (64), vol. 4, pp. 166–171. (In Russian)
17. Pavlov A. M. *Sobytiye rasskazyvaniya v sovremennoy otechestvennoy monodrame (na materiale pyesy Ye. Isayevoy «Pro moyu mamu i pro menya»)* [The storytelling event in modern Russian monodrama (based on the play by E. Isaeva «About My Mother and About Me»)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 3 (51), pp. 197–202. (In Russian)
18. Pokalo A. V. *Monodrama: zhanr ili zhanrovaya raznovidnost?* [Monodrama: genre or genre variety?]. *Russkaya i belorusskaya literaturny na rubezhe XX–XXI* [Russian and Belarusian literatures at the turn of the XX–XXI centuries]. Minsk: RIVSH Publ., 2014. pp. 332–336. (In Russian)
19. Teryoshkin A. *Krestnik Yego Velichestva* [The Godchild of His Majesty]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2007. 328 p. (In Russian)
20. Tsvetkov Yu. L. *Zhanrovaya spetsifika sovremennoy monodramy: «Kontrabas» P. Zyuskinda* [Genre specifics of modern monodrama: «The Contrabass» by P. Süskind]. *Literaturny i teatr: Modeli vzaimodeystviya* [Literature and theater: models of interaction]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2011. pp. 68–80. (In Russian)
21. Chernov Ye. I. *Gody i konflikty* [Years and conflicts]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1981. 152 p. (In Russian)
22. Chernov Ye. I. *Dramaturgi Mordovii* [Playwrights of Mordovia]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
23. Culler A. D. Monodrama and the Dramatic Monologue. *PMLA*, 1975, no. 90 (3), pp. 366–385. (In English)
24. Hartnoll Ph., Found P. *Monodrama. The Concise Oxford Companion to the Theatre*. Available at: <http://www.encyclopedia.com> (accessed February 25, 2020). (In English)
25. Loisel G. *Aux confins du monodrame: Lelioou Le Retour a la vie, dans. Musiquet Litterature. Rencontres Sainte-Cecile*. Ed. Aude Locatelli. Aix-en-Provence, Presses de l’universite de Provence, 2011. pp. 233–246. (In French)
26. Pavis P. *Dictionary of the theatre: Terms, Concepts and Analysis*. Toronto: University of Toronto Press, 1998. 469 p. (In English)

27. Thanon A. J. Los requisitos formales del generodel monologo dramatic. *Especulo*, 2009, no. 41. Available at: <http://pendientedemigracion.ucm.es/info/especulo/numero41/monodram.html> (accessed February 20, 2020). (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Юрий Григорьевич, заведующий кафедрой финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.
antonov-ug69@yandex.ru
ORCID.ID: 0000-0002-7594-8109

ABOUT THE AUTHOR

Antonov Yuriy Grigoryevch, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.
antonov-ug69@yandex.ru
ORCID.ID: 0000-0002-7594-8109